

Примечания

1. См.: Бачевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
2. Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 16 - 24.

Г.Н.Плотникова
Уральский госуниверситет

Отсутствие регулярности в словообразовании как проявление системности в языке

К числу общих свойств, присущих всем уровням и подсистемам языка, следует отнести и наличие несистемных явлений, которые в контексте общей системы языка не смотрятся чуждыми элементами [1. С. 89]. Это объясняется тем, что нарушение системных связей между языковыми явлениями происходит не по всем каналам, какие-то связи сохраняются и удерживают данные элементы в определенной микросистеме. При этом появление лакун и нарушение регулярных связей в одной микросистеме нередко влечет за собой активизацию различного рода деривационных процессов в другой микросистеме. А так как каждая микросистема имеет свои структурные особенности, то проявление этих процессов может быть присуще каждой из них в различной степени. Например, как известно, сторонники порождающей грамматики (Н.Хомский и др.) считали случайность и нерегулярность типичным явлением для лексических структур. На этом же основании, кстати, они относили словообразование к лексическому языковому уровню, подчеркивая неупорядоченность словообразования и «ограниченную продуктивность многих деривационных правил».

Однако многие исследования в области словообразования неоднократно показывали, что за этим скрывается большая сложность и зависимость словообразовательных процессов от совокупности действия разнообразных факторов [2. С. 49]. И регулярность, несомненно, присущая словообразованию, носит несколько иной характер. Например, в составе словообразовательных гнезд с исходными словами, принадлежащими к одной лексико-семантической группе, с одной стороны, в отдельных гнездах оказываются единичные образования, не характерные для других гнезд, с другой - наоборот, в некоторых гнездах отсутствуют такие дериваты, которые представлены в остальных гнездах

данной лексико-семантической группы. Попробуем это проследить на примере отзоонимных глаголов.

Эти глаголы представляют собой словообразовательный ряд слов, соотносящийся с разными словообразовательными категориями и подкатегориями. Однако сразу отметим одну особенность. Казалось бы, в отзоонимных глаголах должно было отразиться многовековое сосуществование человека и животного мира, причем такое сосуществование (речь идет уже о достаточно высокой степени сознания и речемыслительной деятельности), когда жизнеспособность и жизнедеятельность человека (в немалой степени это относится и к славянским племенам) во многом зависели от животного мира и определялись теми действиями и процессами, которые имели к нему непосредственное отношение (охота, ловля рыбы, разведение животных, ухаживание за животными, приготовление пищи, изготовление одежды, утвари и даже транспортных средств и т.д.). На современном этапе эти отношения во многом сохранились, но усложнились. Возникли даже особые науки, связанные, например, с изучением генетически обусловленных компонентов поведения животных и эволюции их поведения (этология). Составляются этограммы - своеобразные каталоги «языка», поз, жестов, мимики, свойственных тому или иному виду животных.

Несмотря на все это, группа отзоонимных глаголов представлена в русском языке ничтожно малым количеством! Так, в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова находится около двухсот гнезд, вершиной которых является зооним, и только около 30 из них содержат глагольные дериваты.

Безусловно, в какой-то мере это можно объяснить этнокультурными особенностями жизни носителей русского языка, в частности, огромным пространством, обусловившим то, что в каждом регионе жизнь связана с отдельной группой животных. Не случайно поэтому почти половина глаголов, зафиксированных в словарях, имеет стилистические пометы «обл.» или «прост.». И анализ диалектных словарей в этом смысле несомненно пополнил бы данный список глаголов, но, думаю, ненамного.

Постараемся определить лингвистические факторы, влияющие на ограничение отзоонимных глаголов. Как отмечал Л.Н.Мурзин, сущность любого деривационного процесса заключается в интеграции. На уровне словесных знаков это означает, что «производное слово «вбирает в себя» соответствующие производящие...» [3. С. 23]. То есть семантика производящего взаимодействует с новыми смыслами, чтобы выразить определенную интенцию.

Посмотрим, какие же интенции заложены в отзоонимных глаголах. Эти интенции в словопроизводстве соотносятся с понятием «словообразовательная категория». Если исходить из того, что словообразовательная категория включает в себя производные с разными формантами и способами словообразования, но с общим словообразовательным значением (Манучарян), то среди данных глаголов можно выделить следующие интенции.

1. «Добывать, получать то, что названо мотивирующим существительным» [4]. Сюда относятся глаголы: *белковать* (обл.), *волковать* (обл.), *зверовать* (обл.), *соболевать* (охот.), *рыбачить*, *утятничать* (диал.). Все глаголы имеют общую категориально-лексическую сему: «добывать, получать, ловить, охотясь на кого-л.». Но ведь охотятся и на других животных: зайцев, медведей, оленей, лисиц, тигров и т.д. А глаголы с таким значением от названий этих животных не образуются. К тому же приведенные глаголы все, кроме «рыбачить», имеют, как видно, стилистические ограничения, т.е. не входят в литературный язык. И в этом смысле можно говорить о системе, вернее, об ее отсутствии в выражении названной интенции глагольными обозначениями. Почему? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Во-первых, в языке для этой цели существуют другие средства: описательные обороты, словосочетания типа *охотиться на*.; во-вторых, имеются отдельные нерегулярные образования, связанные с добычей конкретного представителя животного мира. При этом они мотивируются чаще всего названием орудия, при помощи которого происходит добыча: ср., например, *лучить* - «бить (рыбу) ночью острогой, освещая воду лучом света»; *удить* - «ловить удочкой рыбу»; *тралить* - «ловить рыбу тралом»; *гарпунить* - «добить, ловить с помощью гарпуна (рыбу, морских животных)»; *арканить* - «ловить арканом» и др., хотя и эта группа глаголов немногочисленна. В-третьих, в лексическом значении отзоонимных глаголов этой группы находится сема «ловить». В семантике одних глаголов она эксплицитная: *рыбачить* - «ловить рыбу», в семантике других глаголов - имплицитная, выявляется через взаимодействующие в дефинициях слова: *охотиться* - *охота* - *добыча* - «то, что добыто на охоте, ловле и т.п.; предмет ловли, охоты».

Из этого глагола (*ловить*) вычленяется корневой словообразовательный формант «лов» со значением «действие по глаголу ловить» (*ловить* - «захватывать живьем каких-либо животных посредством особых приспособлений»). Формант «лов» образует ряд существительных с общим значением: «охотник на того, кто назван мотивирующим зоонимом», которое в большей степени помогает передать указанную интенцию, так как, с одной стороны, охватывает основные разновидности

животного мира: птиц - *птицелов*, зверей - *зверолов*, рыб - *рыболов*; хотя имеется немало слов, образованных и от конкретных зоонимов. В Обратном словаре русского языка [5] зафиксировано 16 таких слов: *крабо- лов*, *раколов*, *китолов*, *крысолов*, *тигролов*, *мухолов* и др. С другой стороны, семантика этих дериватов совмещает в себе семы самого процесса, сему субъекта и сему объекта, т.е. довольно полно передает реальную ситуацию, связанную с этим смыслом.

Думается, что эти дериваты являются основным регулятором в выражении данного смысла, доказательством чему может служить тот факт, что они легко возникают в речи, ср. наименования, отмеченные в сборнике «Новое в русской лексике» [6]: *змеелов*, *дельфинолов*, *дроздо- лов*, *мустанголо*в и некоторые другие.

2. Наглядно представлен и еще один процесс компенсации способа выражения смысла, передаваемого нерегулярным рядом отзоонимных глаголов. Речь идет о значении «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным». Эта группа глаголов представлена также небольшим количеством слов, среди нее можно выделить подкатегории:

- вести себя подобно тому, кто назван мотивирующим словом: *обезьянить* (прост.) - *обезьяничать* (разг.) - «слепо подражать кому-либо, перенимать чью-либо манеру поведения, копировать кого-либо», т.е. вести себя, как обезьяна; *петушиться* (разг.) - «вести себя задиристо, запальчиво, как петух»; *попугайничать* (разг.) - «повторять чужие мысли, слова, быть попугаем», т.е. вести себя, как попугай; *козлить* (прост.) - «фальшиво, нескладно петь, подобно козлу» (АГ-80); *советь* (разг.) - «впадать в полусонное, дремотное состояние», т. е. вести себя, как сова днем; *сорочить* (обл.) - «болтать, пустословить» (БАС), т. е. вести себя, как сорока (ср. выражение: *трещит, как сорока*); *собачиться* (прост.) - «ругаться, браниться», вести себя, как собаки; *лисить* (прост.) - «хитро лстить, угождать», т.е. вести себя, как лиса (ср. выражение: *хитрая как лиса*).

- совершать *действия*, подобно тому, кто назван мотивирующим словом: *ишачить* (прост.) - «выполнять тяжелую работу»; *ершить(ся)* (разг.) - «поднимать(ся) вверх (о шерсти, перьях и т.п.), топорщить(ся), ерошить(ся)»; *змеиться* - «тянуться извилистой линией; виться, извиваться».

Все глаголы образованы по продуктивным моделям, но представленность их мала. Среди лингвистических объяснений причин этого явления, пожалуй, можно выделить факт существования другого словообразовательного конструкта: моделей наречий, формальная структура которых мотивирована отзоонимными прилагательными, а семантиче-

ская - самим зоонимом, ср.: *по-медвежьи* - «как медведь», *по-орлиному* - «как орел» и т.д. Основные модели связаны со следующими словообразовательными формантами: префиксом *по-* и суффиксом *-и*: *по-волчьи*, *по-медвежьи*; префиксом *по-* и суффиксом *-ому/-ему*: *по-лебединому*, *по-воробыному*. Эти модели имеют высокую степень продуктивности. Как отмечает И.С. Улуханов, такие наречия «совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи» [7. С. 403]. Иначе говоря, они передают значение отношения к тому, что названо исходным словом в словообразовательной цепи: зооним - прилагательное - наречие, плюс значение вторичного признака (качественного или процессуального), что диктует синтагматическую связь в речи с глаголом или прилагательным. Такая синтагма не только покрывает полностью выявленный смысл, но и передает большее количество информации за счет конкретизации действия, обозначенного глаголом, который входит в синтагматическую связь с наречием: *прыгать по-заячьи*, *топать по-лошадиному*, *гримасничать по-обезьяньи* (ср.: *обезьянничать*), *петь по-козлиному* (ср.: *козлить*), *кричать по-петушиному* (ср.: *петушиться*) и т.д.

К тому же эти образования имеют меньше стилистических ограничений, хотя большинство из них носит разговорный характер.

Таким образом, ономазиологический подход к словообразовательным явлениям позволяет выявить не только регулярные словообразовательные процессы, но и те ограничения, которые тоже носят регулярный характер и отражают закономерности словопроизводства. Они помогают также вскрыть глубинные мотивы словотворчества, показывая стремление человека к образованию (и сохранению!) таких структур, мотивация которых более обширна и ясна.

Примечание

1. См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. Кубрякова Е.С. Еще раз о месте словообразования в системе языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.
3. Мурзин Л.Н. Дифференциация или интеграция? // Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.
4. Здесь и далее словообразовательные значения указаны по: Русская грамматика. В 2 т. М., 1980 (АГ-80), а лексические значения - по: Словарь русского языка. В 4 т. М., 1957 (МАС).
5. См.: Обратный словарь русского языка. М., 1974.
6. См.: Новое в русской лексике. Словарные материалы. М., 1980-1984.
7. АГ-80. Т.1.